

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

УДК 159.942.5:343.8

Психотерапия деструктивных последствий пенитенциарного стресса

С.В. БАБУРИН – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы превенции деструктивных последствий пенитенциарного стресса посредством трансформации психической энергии негативных психодезадаптивных состояний в процессы развития внутреннего мира осужденных. Анализируются стратегия и принципы использования адаптивной роли стресса и применения целого ряда психотерапевтических методов с целью развития самосознания и саморегуляции в процессе ресоциализации и формирования правопослушного поведения осужденных.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пенитенциарный стресс; осужденные; психическая адаптация и дезадаптация; личностные расстройства; психотерапия; саморегуляция; страсти; стратегия и принципы интервенции; культура; сознание; экзистенции; духовность; культуротерапия.

Psychotherapy of destructive consequences of prison stress

S.V. BABURIN – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

The article deals with the prevention of destructive consequences of prison stress by transforming the negative psychic energy of maladaptive states in the processes of development of the inner world of convicts. It analyzes the strategy and how to use the adaptive role of stress and the use of a variety of psychotherapeutic methods in order to develop self-awareness and self-control in the process of re-socialization and the formation of law-abiding behavior of prisoners.

Key words: penal stress; convicted; mental adaptation and maladjustment; personality disorders; psychotherapy; self-control; passion; strategy and principles of intervention; culture; consciousness; existence; spirituality; cultural therapy.

Исследование психических состояний человека, в том числе стресса, неизбежно приводит к проблеме их регуляции.

Сегодня стало очевидным, что длительно протекающие стрессовые состояния (нагрузки, напряжения) часто сопровождаются срывом процессов адаптации, вызывая истощение психофизиологических ресурсов (адаптационной энергии) и формиро-

вание самых различных форм стрессовых расстройств. Адаптация к местам лишения свободы связана с преодолением многочисленных средовых стрессовых факторов и отражает разные стадии развития особой разновидности психологического стресса, именуемого по его средовой характеристике пенитенциарным. Усилиями целого ряда поколений исследователей показана пагуб-

ная роль нахождения осужденных в ИУ, где стрессу отводится одно из главных мест в снижении качества и уровня их жизни¹. Данное положение в литературе часто объясняется деформирующим влиянием пенитенциарного стресса на психическое состояние осужденных. При этом не следует забывать о том, что стрессовое состояние может резонировать с особенностями психических состояний осужденных, подавляющее большинство которых до попадания в ИУ имеет аномалии развития личности и разнообразные формы психических расстройств².

Существующие к настоящему времени многочисленные сценарии и подходы в преодолении негативных влияний социальной депривации и тюремной субкультуры (основных пенитенциарных стрессоров) свидетельствуют о чрезвычайной сложности их минимизации на духовное и психическое здоровье осужденных³. Это касается большинства психотерапевтических методов и технологий, построенных на основе классических направлений психотерапии (динамической, поведенческой и др.) и различных моделях исправления осужденных. Низкая эффективность подобного рода подходов к превенции и терапии деструктивных последствий пенитенциарного стресса указывает как на наличие и высокую устойчивость патопсихологических новообразований осужденных, так и на особенности структуры их внутреннего мира.

Неизбежное нахождение осужденных в специфической стрессовой среде приводит к парадоксальной ситуации: позитивная цель (в виде ресоциализации) на практике чаще приводит к негативному результату (дальнейшей криминализации и духовной деградации осужденных), отражая тем самым объективное противоречие исправления наказанием в виде лишения свободы⁴. При этом пенитенциарная психология, часто следуя в фарватере «гуманистической» традиции либеральной окраски западной психологии и «прав осужденных», зачастую даже не затрагивает целевой значимости процесса адаптации осужденных к ИУ.

Известно, что первичный тюремный синдром (он же пенитенциарный стресс, синдром колючей проволоки и т.д.) может развиваться по следующим алгоритмам: адаптация → негативная адаптация → призонизация личности; адаптация → позитивная адаптация → ресоциализация личности; дезадаптация → хронический стресс → карцеризация личности⁵. С.Б. Пономарев с соавторами считают, что большинство лиц не

способны адаптироваться к условиям нахождения в ИУ, будучи в состоянии непрекращающегося хронического стресса, итогом чего становится карцеризация личности в виде комплекса психологических и физиологических сдвигов, отражающих психическую дезадаптацию. Авторы отмечают, что вместо целевого полагания триединства карательной (возмездия и устрашения), ресоциализирующей и превентивной функций социальная изоляция у осужденных подросткового возраста вызывает формирование посттравматического расстройства, «выгорание» адаптационных резервов организма, вторичный иммунодефицит и другие нарушения с риском развития тяжелых заболеваний – онкологических, кардиореспираторных и др.⁶

Значимым нам представляется утверждение авторов о том, что психическая и психофизиологическая дезадаптация не однозначно является следствием пребывания подростков в условиях ИУ, она может быть связана с неблагоприятными жизненными ситуациями на воле до совершения преступления⁷. Данное предположение имеет чрезвычайную важность в решении проблемы управления стрессом у осужденных, поскольку обосновывает необходимость учета и более глубокого анализа уже имеющихся у них ранее патопсихологических состояний и процессов.

Другой часто ускользающей от рассмотрения проблемой при постановке перед пенитенциарными специалистами ряда целевых задач по превенции стресса является проблема «двойной» адаптации. Адаптация осужденных осуществляется на «входе» в ИУ и «выходе» из учреждения, то есть вначале осужденный адаптируется к условиям лишения свободы, а затем его следует реадaptировать к жизни на воле. Вынужденная повторность адаптационных перестроек приводит к ломке вырабатываемых стереотипов, сопровождаясь перенапряжением механизмов адаптации и истощением адаптационных ресурсов. Логически обоснованная и прошедшая испытание временем такая система адаптации составляет, как известно, определенные этапы основного процесса исправлением наказанием.

При этом, как уже отмечалось, в процессе психологического сопровождения осужденных зачастую утрачиваются цели адаптации и ресоциализации, подход к которым через призму либеральных свобод (стандартов) все больше сводится к обеспечению комфортного существования осужденных,

что невозможно без их полной адаптации к условиям ИУ. Но это противоестественный процесс. Ожидать полную позитивную психологическую адаптацию осужденных к ИУ вне трансформирующей роли стресса означает отрицать современное понимание адаптации в качестве развития.

Практика работы с осужденными в этом направлении показывает, что психотерапия дезадаптивных состояний требует не только огромных усилий целого ряда специалистов и общетеоретических построений стратегии и тактики интервенций, но и поиска синтеза пенитенциарной психологии и практики с другими науками, метафизикой и религией⁸. В своем подавляющем большинстве применяемые ранее с этой целью программы психологической помощи осужденным были ориентированы на давно исчерпавшую свой научный и особенно практический потенциал теоретико-методологическую базу академической психологии. Напротив, позитивные результаты дает использование образцов опытного направления психотерапии (интервенции), созданных в формате постнеклассической парадигмы психологии, учитывающей многомерность, непознаваемость и интенциональность (направленность) внутреннего мира осужденного, состояние его духовности⁹. К таким подходам можно отнести блок трансперсональных психотерапевтических методов экзистенциальной и этнорелигиозной направленности, а также техники культуртерапии¹⁰.

В этой связи разработка современной методологии психотерапии пенитенциарного стресса, ее основных направлений, а также стратегий и тактик во многом сопряжена с выбором главных мишеней (адресатов) интервенции. Действительно, какими следует пользоваться принципами и ориентирами при выборе стратегии и тактики превенции, а затем психотерапии стрессовых состояний осужденных и что брать за основу во взглядах на феномен стресса и самого человека? Сегодня мы имеем раздробленную (до полной «атомизации») картину психического мира человека и его многочисленные «аналоговые» модели: человек разумный, фрейдистский человек – животное, поршневицкий – «сверхживотное», скиннеровский – крысopodobный, репертуарно-ролевой и играющий человек, религиозный, духовный и др. В определенной мере им соответствуют теоретические изыскания природы патологической агрессивности и других форм преступного поведения, сводимые к бесчисленным исследованиям и

поиску биологических, социальных, психологических и духовных факторов.

Несмотря на продолжающийся спор сторонников роли наследственности и влияний окружающей среды, не вызывает сомнений, что причины преступного поведения могут находиться как в индивидуальном континууме, так и в социальных и общественных взаимодействиях. Касаясь анализа широкого спектра психологических, социально-психологических и социальных теорий криминального поведения, следует отметить, что большинство из них отводит важную роль той или иной форме дефицитарности личности – культуры, развития, когнитивной, воспитания и социализации, самосознания, саморегуляции, творческой и духовной самореализации¹¹. Во многих из них отмечается особая роль травмирующего влияния психического стресса и низкой толерантности к социопсихогенным стрессорам вследствие непредсказуемой комбинаторики и взаимодействия множества факторов. К ним представители антропологической психологии и медицины относят дефицит духовного воспитания и развития, врожденные психические девиации в сочетании с (мутагенными) морфоанатомическими и морфофизиологическими отклонениями¹².

Исходя из психоаналитической концепции криминальные нарушения являются следствием ранневозрастных проблем личности, возникающих в отношениях «сверх-Я» (нормы, совесть), «Оно» (инстинкты, чувства, желания) и «Я» (сознательно обдумываемое поведение – «инстанция»). Однако согласно постулату баланса психической энергии патологической агрессии (убийству) на «входе» психодинамики должна предшествовать эквивалентная по силе «энергия смерти», а не конфликт на бессознательном уровне личности. Такой анализ криминальной природы убийства становится возможным в рамках антенатальной, перинатальной, трансперсональной, экзистенциальной и антропологической психологии¹³.

Важной особенностью понятия «личность преступника» является ограниченность во времени, что опосредовано правовыми категориями преступления и наказания. То есть о личности преступника говорят лишь с момента совершения преступления. В равной степени данная ограниченность относится и к личности осужденного. Именно с момента взятия под стражу, как правило, и должно начинаться целевое психологическое вмешательство, прекращение которого (теоретически) связано с опреде-

лением момента исчезновения криминогенных (социально значимых) свойств личности преступника (уже осужденного).

Психотерапия пенитенциарного стресса неразрывно связана с процессом психологического сопровождения осужденных. Последнее, как указывалось, ограничено во времени и остро нуждается сегодня в комплексном и более глубоком взгляде на личность осужденного. Его психологическую, социальную и правовую специфику следует связывать не только с фактом совершения преступления, но и с учетом периода формирования осужденного до совершения преступления и взаимодействия с внешними условиями в процессе отбывания наказания¹⁴.

Для повышения эффективности психотерапии стресса крайне актуален выбор базовых стратегий интервенции, определяющих характер психотерапевтической помощи осужденным и поиск соответствующих критериев оценки степени их исправления. Сложность данной проблемы заключается в том, что помимо криминогенной сущности (специфической качественной особенности психического склада личности осужденного) в большинстве случаев имеет место наличие патопсихологических радикалов, аномалий психического развития и широкого спектра личностных расстройств (антисоциального, параноидного, шизоидного, шизотипического, гистрионического, садистического, зависимого, множественного и др.). К ним следует добавить также самые различные пограничные психические и психосоматические расстройства¹⁵. И если структура и организация совокупности психических свойств, выражающая криминогенную сущность личности осужденного, сама по себе представляет чрезвычайно сложную задачу для психологической интервенции, то ее сочетание с патологическими и стойкими новообразованиями, состояниями, процессами, симптомами, синдромами в условиях неизбежного влияния множества средовых стрессоров представляется более чем проблематичной. Решение этого узлового вопроса требует междисциплинарного подхода.

Естественно, что основной целью (мишенью) психотерапии осужденного (преступника) является главное (основное) ядро поведения криминальной личности – комплекс основных функций, порождающий преступное поведение (детерминация целеполагания, мотивообразования, социальной перцепции и исполнительной регуляции

и т.д.). Но это лишь часть, пусть и детерминирующая на определенном отрезке времени социальное поведение, но не системообразующий фактор внутреннего мира человека. Центральным (системообразующим) внутренним миром человека фактором (величиной, ядром, неделимым психоидом, интегратором) является его духовность (духовный слой сознания, по В.П. Зинченко), обладающая глубинной необратимостью развития, многовариантностью и регулирующая высшие психические функции¹⁶.

Пенитенциарный стресс и имеющиеся патологические состояния при этом могут расцениваться как сдвиги на нижележащих уровнях психической организации. При определенных условиях (неустойчивости – стрессе) они могут выходить на макроуровень, определяя макрокартину психического процесса, то есть изменять состояния сознания и иметь самые неблагоприятные последствия. Описываемый в нелинейном мире эффект разрастания флуктуаций предполагает, что малые причины могут породить большие следствия в виде непредсказуемого поведения осужденных.

В биологии и медицине такие явления представлены отдельными образованиями: доминантами, симптомами, синдромами, устойчивыми патологическими состояниями, психодезадаптозами и т.д.¹⁷ В философско-теологическом ракурсе данные состояния олицетворяются со страстями – физическими и духовными, то есть говорится о том, что природа многих пограничных психических расстройств изначально формируется в страстном начале человека. Страсть – это душевный порыв или не поддающаяся контролю рассудка любовь к чему-либо, безотчетное влечение, что часто отражает направленность внутреннего мира человека. В древности о страстях хорошо знали: «Страсти ослепляют человека» (Эзоп); «Нет огня, подобного страсти» (Будда); «Нет большего несчастья, чем незнание границ своей страсти» (Лао-цзы) и т.д. Э. Фромм утверждал, что страсти не продиктованы инстинктами, как считал З. Фрейд, они отражают мир человеческий. Фромм указывал, что возвышенные и низменные манифестации человеческого духа автономны и не связаны с телом, поэтому страсти возобновляются в каждом поколении. Человек является частью природы и одновременно противостоит ей, он не может вернуться к тому состоянию, в котором был когда-то (в раю), поэтому его собственное существование – это всегда проблема.

Это и есть, по Фромму, экзистенциальное противоречие (конфликт), порождающее потребности – страсти.

Группируя страсти в синдромы, Э. Фромм подчеркивает, что синдромы высоких идеалов сильно отстают в своем развитии из-за социальных условий¹⁸. И не только! Так, философ всеединства, постоянно развивающегося смыслового синтеза А.Ф. Лосев отмечает, что человек обречен жить в мифе, но в каком – зависит от него самого. И если он будет исполнен любви к общему, к идее, то это свяжет его с общим, с мифом возвышающим, придающим силы, мужество и благородство¹⁹. Наиболее глубокий анализ и обобщение, а вместе с тем и разотождествление страстей с волей дает М.К. Мамардашвили – один из основоположников эры современной психологии сознания и духовного мира человека. Он открывает в страстях то, мимо чего прошли Ф. Бекон, Э. Кант, Р. Декарт, А. Смит и многие другие мыслители, философы и психологи, указывая, что страсть – это эмотивное состояние, и его причина не в предмете, а в нас. В.А. Ананьев считает, что страсти и формируют общий девиантный синдром адаптации (ОДСА). К причинам ОДСА могут относиться: смещение смысла и целей жизни, следование ложным целям, повышенные притязания и самооценка, ложь, поступки против совести, актуализация страстей и грехов (гордыня, гнев, корыстность, уныние и многие другие). В свою очередь, ОДСА (сопутствующий всем осужденным без исключения с момента совершения правонарушения) выступает в качестве «почвы», как условие появления «структурных аттракторов болезней».

«Запущенные, разросшиеся» страсти имеют сходство и с протеканием устойчивых патологических состояний мозга (по Н.П. Бехтеревой). Для иллюстрации трудностей искоренения страстей можно привести «двойную ссылку» из исихастской антропологии П.Б. Сержантова в виде истории о том, как старец объяснял молодому монаху действие страстей. Старец и послушник гуляли, и старец попросил вырвать маленький кустик, что послушник выполнил с легкостью. Затем старец подошел к кусту того же растения, но намного большему, и повторил просьбу. Послушник вырвал куст, но с большим трудом. Затем они приблизились к такому же растению, но разросшемуся до размеров дерева, и старец попросил о том же. Однако послушник не смог этого сделать. Старец таким образом объяснил «механизм» прорастания страсти: ее можно легко

отсечь при ее появлении, ценой огромных усилий можно побороть при укреплении ее в душе, но без помощи извне практически невозможно с ней бороться, когда она разрослась²⁰.

Интересно, что именно исихасты впервые указали на высокий уровень энергии страстей и необходимость еще больших затрат на их преодоление (искоренение). Ими, кстати, разработаны и более чем современные варианты преобразующей внутренней мир техники «психотерапии». Эти идеи вполне соответствуют данным психофизиологии, свидетельствующим о застойном, устойчивом, крайне энергетически затратном и негативном для здоровья человека протекании негативных (или патологических) эмоциональных состояний.

Известно, что головной мозг аккумулирует огромное количество энергии и, по образному выражению К. Уилбера, один старец может «раскрутить энергию, равную взрыву не одной атомной бомбы», поскольку сознание имеет неограниченный спектр развития²¹. Можно заключить, что трудности психотерапии осужденных, и тем более деструктивных последствий пенитенциарного стресса, во многом связаны не только с особенностями асоциально-деструктивной структуры психологического ядра личности (явно наполненной негативными страстями), но и с психопатологической предэкспозицией (наличием ряда крайне устойчивых психопатологических и аномальных состояний – личностных психических расстройств, пограничных психических расстройств, психических дезадаптаций и т.д.), вовлекаемых в психологию пенитенциарного стресса.

Иначе говоря, страсти и формируют весь спектр психопатологии пограничного уровня с ее расшифровкой посредством «новой» клинко-психологической, но синонимичной терминологии. Важно, что у одного и того же осужденного можно диагностировать большинство известных миру страстей человека, изучаемых сегодня в плоскостях девиантологии, «малой» (пограничной) психиатрии, стрессологии, неврологии и других дисциплин. Психолого-психиатрическая экспертиза при этом обнаружит более дюжины патопсихологических «единиц» – образований, состояний, процессов, явлений, синдромов и расстройств, поставив целый реестр «диагнозов». Например, антисоциальное личностное расстройство (делинквента) вполне может протекать при включении группы синдромов личностных расстройств параноидного, шизотипичек-

ского, агрессивного, зависимого и депрессивного личностных расстройств. Возможно наличие травматической психотической симптоматики, отягчаемой сформированной ранее психосоматической патологией и т.д. Наряду с этим у этого же осужденного могут иметь место разнообразные психические отклонения от перенесенной черепно-мозговой травмы или другого органического поражения мозга. Все указанные формы расстройств не только маскируют проявления пенитенциарного стресса, но и определяют особенности его развития и терапии, которые на подобном фоне приобретают новые качества. В этом случае, как видно, речь должна вестись не только о терапии стресса, но и о многоцелевой и профессиональной психолого-психиатрической помощи осужденному, его психолого-клиническом, психолого-социальном сопровождении, ресоциализации и реабилитации. Диагностика «самого» стресса в такой ситуации малопродуктивна и, как правило, будет выявлять в основном последствия ранее перенесенных травматических состояний и широкий спектр самой разнообразной психопатологии.

«Терапии» страстей, борьбе со многими из них издавна уделялось особое внимание. Сегодня это поле психотерапии «проблемных» состояний человека и неврологии в надежных руках теоретиков и практиков – клинических психотерапевтов (Б.Д. Карвасарский, С.А. Игумнов, Ц.П. Короленко, А.В. Диденко, И.В. Лаврентьева, Т.И. Савельева), представителей «квантовой» психологии (Д.В. Сочивко и его предшественник Н.О. Лосский), последователей исихастской антропологии (П.Б. Сержантов), авторов аскетической антропологии, антропологической психологии и психотерапии (митрополит Иларион Алфеев, Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, С.С. Хоружий), трансперсональной и гуманитарной психологии (К. Уилбер, В.П. Зинченко), разработчиков квантовой психофизиологии и нейролингвистики (К.В. Судаков, И.А. Герасимова, В.Ф. Петренко, Р. Пенроуз, Б. Барс, Х. Эверет), нейротеологии (В.Б. Слезин, Э. Ньюберг, М.Р. Уолдман) и т.д.

Помимо указанных и многих других истинно научных направлений современной науки, обращенной к внутреннему миру Человека, сегодня все больше появляется психотерапий и психотехнологий альтернативной и психосоциальной медицины явно деструктивного толка. К ним можно отнести техники «нежного примирения» че-

ловека с самим собой, техники, освобождающие от ответственности перед собой и миром, техники программирования, оккупации сознания и духовного кодирования личности, а также многие социотехнические средства, манипулирующие социальными пристрастиями, и т.д. В этой связи для психотерапии стресса у осужденных необходимо принять принципиально позиционное утверждение В.И. Слободчикова о том, что всякая практика может считаться гуманитарной, если она является практикой становления именно «человеческого в человеке». Следовательно, ключевой задачей разработки программ и техник терапии стресса у осужденных остается дальнейшее изучение структурно-функциональной организации и системно-динамических характеристик неоднородных по своей природе и сущности психодезадаптивных состояний, обуславливающих регрессивно-поступательную динамику стресса. К сожалению, следует признать, что внутренний мир человека, и тем более осужденных, остается практически малодоступным для анализа, а умозрительно построенные инвариантные психологические типологии «личности преступника» в большей мере отражают лишь те или иные характерные формы внешнего поведения.

Однако смена научно-методологических парадигм психологии более оптимистична в плане регуляции функциональных состояний и стресса. Проблема регуляции эмоционального и психологического благополучия осужденных, изучение внутренних и социальных ресурсов, позволяющих человеку преодолеть стрессовые факторы ИУ, в последние годы является одной из актуальных и широко изучаемых проблем пенитенциарной психологии, медицины и психопедагогики. На основе метатеории сознания и методологии духовной регуляции психических функций разработаны теоретические модели психотерапии осужденных, объясняющие процессы, благодаря которым травматические события могут эффективно перерабатываться и приводить к субъективному переживанию личностного роста, исследуются различные аспекты смысловой регуляции психических состояний у осужденных²².

Поскольку рассмотрению подлежит психотерапия стресса, хотя и более чем «специфического» (правильнее сказать, стресса незрелой и отягченной психопатологией личности), для понимания стратегии вмешательства и анализа механизмов управ-

ления стрессом у осужденных следует обратиться к некоторым положениям саморегуляции психических состояний, тем более что, как указывал еще В.П. Зинченко, стресс, как и другие функциональные состояния человека (фрустрация, конфликт и т.д.), представляет собой малоизученное состояние сознания²³. Исследования А.О. Прохорова особенностей изменений функциональных отрицательных психических состояний (страх, злоба, бешенство, гнев, ярость, тревога, тоска) при их переходах к положительным (радость) показали наличие промежуточных этапов и влияние фактора неравновесности-равновесности. Переход из отрицательного состояния в положительное возможен также в случаях резкого изменения ситуации. В качестве таких состояний для терапии осужденных выбран сам стресс (изоляция осужденного) и комплекс эустрессов культуротерапии.

Другим краеугольным камнем психотерапии стресса явились положения синергетики, согласно которой психика человека, как и сам человек, представляется открытой «системой», характеризующейся состояниями бифуркации и появлением диссипативных структур. Поведение открытых систем в критических ситуациях (стресса) невозможно предсказать, поскольку они способны развиваться в любом направлении, и только в психическом мире эта открытость возможностям становится обоснованием феномена свободы воли. Идеи И.Р. Пригожина способствовали выработке представлений о постнеклассическом научном и художественном творчестве как вероятностных системах с низким коэффициентом вероятности, соответствующих современному образу мира как совокупности нелинейных процессов. В связи с этим, а также благодаря известным постулатам гуманитарно-духовных знаний открывается возможность сократить «зигзаги» пути психического и духовно-нравственного развития осужденных, минуя нелепые и пустые попытки терапии отдельных негативных симптомов и проявлений стресса, которые все равно будут разрушены, размыты диссипативными процессами. Об этой печальной картине свидетельствуют не только безуспешность большинства психотерапевтических практик, но и рецидивы преступности. Получение позитивных результатов может быть достигнуто путем резонансного возбуждения правильных структур в нелинейной среде (психическом мире осужденных). Под резонансом при этом понимается эффективность малых,

но топологически (архитектонически – духовноориентированно) правильных воздействий на осужденных.

На возможность использования подобного механизма резонанса у осужденных указывает фундаментальное исследование А.А. Хвостова, свидетельствующее, что отношение нравственных ценностей и принципов морали, с одной стороны, и аморализма – с другой, не образует два противоположных полюса, а создает для каждого свое независимое направление (вектор). Эти психологические феномены сосуществуют и психологически совместимы. Это говорит об относительно большей, чем считалось ранее, автономности самих моральных ценностей и принципов. Иначе говоря, нравственность и аморализм представляют разные сферы (оси) морального сознания, каждая из которых имеет собственные измерения. Показано также, что моральное сознание практически не детерминируется личностными особенностями и эмоциональной направленностью человека. Открытие указанной независимости существования во внутреннем мире человека системы аморализма наряду с присутствием форм морального сознания не столько усложняет привычное понимание природы противоправного поведения, сколько вселяет оптимизм в реальную возможность психотерапии и исправления осужденных²⁴.

Основой этого является замена «плоскостного» понимания внутреннего мира человека и форм нравственного сознания на оси «нравственность (мораль) – безнравственность (аморализм)» более глубоким конструктом, имеющим многоосевую и автономную систему (вертикалей) нравственности (духовности), существующей независимо от развития структуры аморализма (то есть наличия различных страстей). Сохранность (автономность) системы нравственности во внутреннем мире человека открывает перспективы психотерапии дезадаптации и социальной патологии осужденных с помощью техник трансформации высоких энергий стресса в процессы развития их духовного мира.

Следует напомнить, что экстремальная ситуация представляет собой опыт существования человека, выходящий за пределы его обычной жизнедеятельности, то есть выход в ситуацию неравновесную – взаимоперехода бытия и небытия, смерти и жизни. И, следовательно, изменения состояний могут протекать в системе вероятностных ответов (переходов) в виде преобразования

(трансформации) негативных (противоестественных природе человека) модусов аморализма в развитие сознания и духовного роста. Такая переработка высокой энергии стимульных констант стрессовой ситуации у осужденных может осуществляться на разных уровнях работы личности, ее структурных образований и затрагивает психический, психологический и метапсихологический уровни. На метапсихологическом уровне эта деятельность включает механизмы активации, нейтрализации и подавления экзистенциальных проблем – конфликтов (психоэнергетических процессов) – в зависимости от духовно-нравственного опыта и включения процессов сознания надутилитарного (иррационального) уровня или, согласно православному вероучению, в зависимости от степени обóженности, то есть духовного развития человека. Состояние стресса в подобной практике психотерапии выполняет ключевой механизм психологической перестройки (реактивной трансформации) сознания в виде смыслообразования – облигатного проникновения в процессы бытия личности с экзистенциальных и культурологических позиций.

Именно этот механизм использования стрессовых нагрузок в работе с осужденными принят за основу психотерапевтических программ превенции дезадаптивных состояний и становления правопослушного поведения. Таким образом, стратегия психотерапии осужденных в целом связана с раскрытием собственного психотерапевтического потенциала социальной депривации (стресса) и других стрессоров. Их целесообразнее использовать в комплексном полимодальном и междисциплинарном подходе, включающем экзистенциальные и антропоориентированные методы психотерапии. Выступая в качестве искусственной модели базового конфликта экзистенциальной природы (одиночества), социальная депривация (изоляция) становится в этих условиях терапевтическим инструментом обретения смысла и исправления своего жизненного пути. Такой подход соответствует понятию «стресс-индуцированный рост личности», когда человек, переживший травму, сохраняет позитивное благополучие, несмотря на страдания и несчастье, а в ряде случаев даже и благодаря этим испытаниям.

Актуальность активации духовных ресурсов субъекта в практике интервенции пенитенциарного стресса подтверждается взглядами большинства авторов на наличие универсального и неистребимого лично-

стного механизма поиска смысла бытия человека. Наряду с получением позитивных результатов использования разработанных программ психотерапии «стрессом» важным обоснованием необходимости их более широкого включения в практику УИС служат дополнительные данные психологических исследований. В них показано наличие у осужденных ОДСА, деформации сознания и дефицитности духовного развития, многих форм и сочетаний расстройств личности с пограничной психопатологией в комплексе с психоэмоциональной неустойчивостью при явной недостаточности духовных и культурных ресурсов совладающего поведения.

Касаясь тактики психотерапии дезадаптивных состояний «стрессом», следует отметить, что последовательность включения дополнительных методов адресной терапии отдельных синдромов не имеет принципиальной роли при соблюдении ряда общих принципов. К известным принципам (информированности, добровольности, уважения к осужденному и т.д.) следует добавить главный – принцип адаптивности. Данный принцип психотерапии вытекает из сущности и механизмов адаптации, обусловленных наличием или отсутствием внутренних ресурсов личности, позволяющих преодолеть духовную дефицитарность и стрессовые факторы пенитенциарной среды. Пенитенциарные психотерапевты должны знать, что норма психической адаптации осужденного, хотя и опирается на его индивидуальные характеристики, во многом зависит от сформированных средой границ адаптационно-компенсаторных реакций (состояний). Психическая адаптация – центральная мишень интервенции – занимает промежуточное положение между уровнями биологической и социально-психологической адаптации, границы которых также сформированы набором норм (допустимых пределов). По образному выражению В.А. Ананьева, при нарушении границ адаптации на любом уровне начинает звучать «биологический голос ощущений» – «голос Бога внутри нас», то есть проявляются вполне осязаемые сигналы неблагополучия в виде ОДСА²⁵. При этом Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева рассматривают адаптации как комбинации «внутренней» позиции личности и установки (защиты), сформированной ранее под влиянием среды. Например, у осужденных с зависимым расстройством личности наличие шизоидной, антисоциальной и параноидной типов адаптации можно считать их «ресурсом выживания». Каждая

из указанных и других форм девиантной адаптации (обсессивно-компульсивной, гитрионической и др.) легко просматривается не только у осужденных. Они наблюдаются в различных вариантах функционирования личности, как нормальных, так и дисфункциональных. Знания закономерностей и типов сочетания (комбинаций) таких ОДСА и есть первая составляющая принципа адаптивности в целевой программе психотерапии стресса.

Но любые попытки воздействий на процессы и состояния, свойственные ОДСА и психопатологии осужденного, без обращения к его внутренним ресурсам и механизмам саморегуляции остаются безуспешными. Знание универсальных и специфических способов саморегуляции человека и умение «малой» энергией воздействий активизировать внутренние ресурсы – это вторая составляющая принципа адаптивности. И здесь особую роль приобретают онтоориентированные («бытийные») принципы.

О.Б. Пановой впервые дано обоснование эффективности использования в современной отечественной пенитенциарной практике экзистенциальных подходов не только к ресоциализации осужденных, но и к превенции стрессовых состояний в самом широком смысле их понимания. К «набору» универсальных экзистенциальных принципов, построенных на знании природы и психики человека, относятся принципы: стимулирования саморазвития человека, нравственного саморегулирования, преодоления психологических барьеров, актуализации ситуации и др. Любое психотерапевтическое воздействие должно учитывать событийный ряд, который произошел с осужденным до факта его попадания в пенитенциарное учреждение. И если встречи психолога не будут событием для осужденного, то они не дадут никаких результатов в рамках решения поставленной задачи.

В структурный компонент экзистенциальной психотерапии входят: формирование мотивов самообразования и самовоспитания, стимуляция позитивных эмоциональных состояний, мобилизация психологических ресурсов осужденных для проявления активности в достижении социально позитивных целей. Например, согласно экзистенциальному принципу «социального закалывания», осужденному следует овладеть определенными способами преодоления негативных средовых стрессоров. Эти способы должны быть адекватны его индивидуальным особенностям в ситуациях,

требующих волевого усилия для преодоления негативных ситуаций. На этой основе психотерапия будет участвовать в формировании ресурсов стрессоустойчивости, социального иммунитета и рефлексивной позиции осужденного. К конкретным техникам относятся известные методы В. Франкла (логотерапия), экзистенциальный анализ эмоциональности А. Ленгле и, лишенные его недостатков, разработанные О.Б. Пановой подходы к психолого-педагогическому обеспечению процессов ресоциализации осужденных.

В реализации экзистенциальных принципов (актуализации раскаяния, формирования антикриминальной устойчивости, стимулирования саморазвития и др.) важная роль отводится диалоговому взаимодействию. Именно на эту сторону терапии в решении проблем свободы и одиночества, изоляции и отношений (Я – Оно, Я – Ты) указывал И. Ялом, который, как и Д. Бьюдженталь, считал, что человек приговорен к постоянному развитию и ему следует научиться жить в мире. В экзистенциальной терапии, как отмечает И. Ялом, тезис «будущее-становящееся-настоящим» представляется главным временем и у человека всегда остается власть контролировать свою позицию по отношению к своей судьбе – реконструировать то, что невозможно отрицать²⁶. Для пенитенциарной терапии стресса представляются основополагающими мысли И. Ялома и других экзистенциалистов о том, что самотрансцендентные ценности способствуют позитивному осуждению смысла жизни, но формированию жизненного смысла должно предшествовать решение других задач. К ним в пенитенциарной терапии в первую очередь можно отнести проблемы недостаточного общего развития, воспитания, образования и т.д., обобщаемые понятием «дефицит культуры».

Эти «пробелы» являются мишенями культуртерапии (эстетическая, арт-терапия) во всем множестве ее форм. Наполнение образами культуры и искусства предусматривает обращение к сохранным «резонансоотзывчивым осям» внутреннего мира осужденных. Особенности социокультурной сферы определяют выбор способов интервенции (музыка-, изо- и других видов арт-терапии) в зависимости от характера ситуации, статуса и развития осужденного, его демографических, национальных и других параметров. Особый интерес при этом представляют данные А.О. Прохорова, М.Ш. Магомет-Эминова, Т.Г. Бохан, Ц.П. Ко-

роленко и Н.В. Дмитриевой, А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко и многих других о том, что деятельность структур саморегуляции опосредуется этнокультуральными факторами, играющими важную роль как в преодолении функциональных психических состояний (тревоги, обиды, страха, возмущения и т.д.), так и в совладании с тяжелыми дистрессовыми расстройствами типа «синдрома Эго-стресса» – фрустрационной (автоматической) регрессии, аффективных расстройств типа алекситимической френалгии (невыразимой словами моральной боли), эпизодов дисторий и фантазмов, острых конфликтных и разрушительных реакций.

Таким образом, разработанные на основе самопреобразующего, экзистенциального и духовного подходов стратегии преодоления пенитенциарного стресса у осужденных направлены на позитивную трансформацию имеющихся форм адаптации и адаптивных ресурсов (копингов, процессов саморегуляции). Это во многом служит развитию способности к смыслообразованию, смыслополаганию, символизации, прогнозированию, саморефлексии, творчеству, духовному саморазвитию и самосовершенствованию осужденных. Пенитенциарный стресс при этом становится «участником» и важнейшим фактором психотерапевтической интервенции. То есть само состояние экстремальности (стресса) в этом процессе представляет ключевой механизм психологической перестройки (реактивной трансформации) сознания в виде смыслообразования – обязательного проникновения в процессы бытия личности с экзистенциальных и культурологических позиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бабури С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999; Бабури С.В., Оботурова Н.С., Чирков А.М. Методологические подходы к проблеме стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 103–112; Бабури С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 46–51; Бабури С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии: Учеб. пособие. Вологда, 2014; Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008; Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001; Човдырова Г.С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/218606/>

² См.: Бабури С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 499–519; Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбыва-

Практическим воплощением этих идей в ИУ является использование эмоциональных воздействий на основе экзистенциальной и культуртерапии с внедрением ряда психотехник относительно нового психотерапевтического направления – психологии духовного здоровья. Оно восполняется потенциальной позитивной духовной силой (энергией), не сводимой к когнитивной символической структуре эмоций, и направлено на развитие высших психических функций и способностей человека. По мнению Х. Феррера, Э. Ньюберга и многих других авторов, большинство созерцательных традиций (отход от эгоизма, чувство священного, некоторые формы концентрации внимания и др.) способно не только активизировать творческие начала, но и дать импульс к развитию сфер сознания. Включение духовных техник в практику терапии дезадаптаций у осужденных направлено на постижение истинных ценностей, духовный поиск и раскрытие богатства разнообразных духовных освобождений и миров. Духовные практики интервенции предусматривают апробацию серии программ духовно-нравственного воспитания осужденных.

В заключение следует отметить, что психологическая служба в пенитенциарном учреждении отличается от других тем, что она имеет ярко выраженный психотерапевтический характер, а помощь осужденным должна строиться в русле экзистенциально-гуманистической парадигмы, отражающей намеченную цель УИС в виде гуманизации, а точнее гуманитаризации всего режима содержания и психолого-педагогического сопровождения осужденных.

¹ Sm.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovia adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh: Dis. ... kand. psihol. nauk. SPb., 1999; Baburin S.V., Oboturova N.S., Chirkov A.M. Metodologicheskie podhody k probleme stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennyh // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 3. S. 103–112; Baburin S.V. Problemy stressa i adaptacii v penitenciarnoj psihologii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 46–51; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii: Ucheb. posobie. Vologda, 2014; Ponomarev S.B. i dr. Sindrom tjuremnoj social'noj deprivacii v molodom vozraste. Ekaterinburg, 2008; Sandomirskij M.E. Psihicheskaja adaptacija v uslovijah penitenciarного stressa i lichnostno-tipologicheskie osobennosti osuzhdennyh. Ufa, 2001; Chovyrova G.S. Problemy stressa, psihicheskoy dezadaptacii i povyshenija stressoustojchivosti lichnosti v uslovijah social'noj izoljicii [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.twirpx.com/file/218606/>

² Sm.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 499–519; Didenko A.V. Rastrojstva lichnosti u osuzhdennyh, otbyvajushih nakazaniya

- ющих наказания в местах лишения свободы: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Я. Семке. Томск, 2010. С. 30–114.
- ³ См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных. Об этом также: Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. С. 133; Трубецкой В.Ф., Трифонов О.И. Профилактика правонарушений и преступлений, совершаемых лицами, имеющих психические расстройства: Метод. рекомендации. М., 2006. С. 23.
- ⁴ См. подр.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии.
- ⁵ См.: Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. С. 31.
- ⁶ См.: Там же. С. 132–133.
- ⁷ См.: Там же. С. 137.
- ⁸ См. подр.: Бабурин С.В., Оботурова Н.С., Чирков А.М. Методологические подходы к проблеме стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных. С. 103–112; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии.
- ⁹ См.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 69–165.
- ¹⁰ См.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии; Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы; Панова О.Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2013; Слезин В.Б. и др. Изменение функционального состояния мозга при христианской молитве [Электронный ресурс]. URL: <http://atheo-clab.ru/physiologia/slesin.pdf>; Уилбер К. Интегральная психология. Сознание, Дух, Психология, Терапия. М., 2004; Ньюберг Э., Уолдман М.П. Как Бог влияет на ваш мозг. М., 2012.
- ¹¹ См.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 495–499; Панова О.Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии. С. 22–24.
- ¹² См.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 163; Братусь Б.С. Смысловая сфера личности. СПб., 2000; Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М., 2000.
- ¹³ См.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии; Братусь Б.С. Смысловая сфера личности; Грофф С. Путешествие в поисках себя: Измерения сознания. Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира. М., 2004; Ленгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков, 2011; Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- ¹⁴ См. об этом: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных.
- ¹⁵ См.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 502; Диденко А.В. Расстройство личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы. С. 30–114; Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. С. 95–119.
- ¹⁶ См.: Бабурин С.В., Оботурова Н.С., Чирков А.М. Методологические подходы к проблеме стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных. С. 103–112; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 63; Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 155–181.
- ¹⁷ См.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 346–357; Ухтомский А.А. Доминанта души: Из гуманистического наследия. Рыбинск, 2000. С. 113–190.
- ¹⁸ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
- ¹⁹ См.: Данцев А.А. А.Ф. Лосев. М.; Ростов н/Д, 2005. С. 79.
- ²⁰ Сержантов П.Б. Исихастская антропология о временном и вечном. М., 2010. С. 83.
- ²¹ См.: Уилбер К. Интегральная психология. Сознание, Дух, Психология, Терапия. С. 52–53.
- в местах лишения свободы: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Я. Семке. Томск, 2010. С. 30–114.
- ³ См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh. Ob jetom takzhe: Ponomarev S.B. i dr. Sindrom tjuremnoj social'noj deprivacii v molodom vozraste. S. 133; Trubeckoj V.F., Trifonov O.I. Profilaktika pravonarushenij i prestuplenij, sovershaemyh licami, imejushih psihicheskie rasstrojstva: Metod. rekomendacii. M., 2006. S. 23.
- ⁴ См. подр.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii.
- ⁵ См.: Ponomarev S.B. i dr. Sindrom tjuremnoj social'noj deprivacii v molodom vozraste. S. 31.
- ⁶ См.: Там же. С. 132–133.
- ⁷ См.: Там же. С. 137.
- ⁸ См. подр.: Baburin S.V., Oboturova N.S., Chirkov A.M. Metodologicheskie podhody k probleme stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennyh. S. 103–112; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii.
- ⁹ См.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 69–165.
- ¹⁰ См.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii; Didenko A.V. Rasstrojstva lichnosti u osuzhdennyh, otbyvajushih nakazaniya v mestah lishenija svobody; Panova O.B. Pedagogicheskoe obespechenie pravovoj resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh v vospitatel'noj kolonii: Avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Jaroslavl', 2013; Slezin V.B. i dr. Izmenenie funkcional'nogo sostojanija mozga pri hristianskoj molitve [Elektronnyj resurs]. URL: <http://atheo-clab.ru/physiologia/slesin.pdf>; Uilber K. Integral'naja psihologija. Soznanie, Duh, Psihologija, Terapija. M., 2004; N'juberg Je., Uoldman M.R. Kak Bog vlijaet na vash mozg. M., 2012.
- ¹¹ См.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 495–499; Panova O.B. Pedagogicheskoe obespechenie pravovoj resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh v vospitatel'noj kolonii. S. 22–24.
- ¹² См.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 163; Bratus' B.S. Smyslovaja sfera lichnosti. SPb., 2000; Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Psihologija razvitija cheloveka. Razvitie sub'ektivnoj real'nosti v ontogeneze. M., 2000.
- ¹³ См.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii; Bratus' B.S. Smyslovaja sfera lichnosti; Groff S. Puteshestvie v poiskah sebja: Izmerenija soznaniya. Novye perspektivy v psihoterapii i issledovanii vnutrennego mira. M., 2004; Lengele A. Jemocii i jekzistencija. Xar'kov, 2011; Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. M., 1990.
- ¹⁴ См. об этом: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh.
- ¹⁵ См.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 502; Didenko A.V. Rasstrojstva lichnosti u osuzhdennyh, otbyvajushih nakazaniya v mestah lishenija svobody. S. 30–114; Ponomarev S.B. i dr. Sindrom tjuremnoj social'noj deprivacii v molodom vozraste. S. 95–119.
- ¹⁶ См.: Baburin S.V., Oboturova N.S., Chirkov A.M. Metodologicheskie podhody k probleme stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennyh. S. 103–112; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 63; Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt. M., 2010. S. 155–181.
- ¹⁷ См.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 346–357; Uhtomskij A.A. Dominanta dushi: Iz gumanisticheskogo nasledija. Rybinsk, 2000. S. 113–190.
- ¹⁸ См.: Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. M., 1994.
- ¹⁹ См.: Dancev A.A. A.F. Losev. M.; Rostov n/D, 2005. S. 79.
- ²⁰ Serzhantov P.B. Isihastskaja antropologija o vremennom i vechnom. M., 2010. S. 83.
- ²¹ См.: Uilber K. Integral'naja psihologija. Soznanie, Duh, Psihologija, Terapija. S. 52–53.
- ²² См. подр.: Baburin S.V. Psihologo-pedagogicheskie uslovija adaptacii i dezadaptacii zakljuchennyh; Baburin S.V., Oboturova N.S., Chirkov A.M. Metodologicheskie podhody k probleme

²² См. подр.: Бабурин С.В. Психолого-педагогические условия адаптации и дезадаптации заключенных; Бабурин С.В., Оботурова Н.С., Чирков А.М. Методологические подходы к проблеме стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных. С. 103–112; Бабурин С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии. С. 46–51; Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии.

²³ См.: Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. С. 163–180.

²⁴ См. об этом: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии. С. 526–527.

²⁵ См.: Ананьев В.А. Психология здоровья. СПб., 2006. С. 136–139.

²⁶ См.: Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 2004. С. 398–431.

stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennyh. S. 103–112; Baburin S.V. Problemy stressa i adaptacii v penitenciarnoj psihologii. S. 46–51; Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii.

²³ Sm.: Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt. S. 163–180.

²⁴ Sm. ob jetom: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii. S. 526–527.

²⁵ Sm.: Anan'ev V.A. Psihologija zdorov'ja. SPb., 2006. S. 136–139.

²⁶ Sm.: Jalom I. Jekzistencial'naja psihoterapija. M., 2004. S. 398–431.

УДК 316.663.2:343.953

Особенности ролевого поведения осужденных

А.В. ДАТИЙ – профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Рязанского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова, доктор медицинских наук;

Д.В. ПЕСТРИКОВ – доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России, кандидат психологических наук

В данной статье рассматриваются основные проблемы ролевого поведения как результата интрапсихических процессов психики осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Оно выступает одним из ключевых факторов, который необходимо учитывать при организации индивидуальной работы с заключенными.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ролевое поведение; осужденный; роль; статус; конфликт; программа; эго-идентичность; ресоциализация; исправление.

Features of role behavior of convicts

A.V. DATY – Professor of the Department of Public Health and Health Care of the Ryzan Medical I.P. Pavlov State University, Dsc. in Medicine

D.V. PESTRIKOV – Assistant Professor of the Department of the psychology of professional activity in the penal system of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ph.D. in Psychology

This paper examines the main issues of role conduct convicts kept in prison. Role behavior is one of the key factors to be considered in the organization of individual work with convicts. It considers role behavior as a result of intrapsychic processes of the psyche of the convicted person.

Key words: role behavior; condemned the role; status; conflict; ego-identity; resocialization; correction.

Актуальность исследования ролевого поведения преступников обусловлена тем, что в местах лишения свободы оно приобретает детерминанты, которые в дальнейшем влия-

ют на успешность интеграции осужденных в общество после отбывания наказания, определяя его. Основной целью данной статьи является установление социально-